

КОМПОЗИЦИЯ ЖАНРА ДРУЖЕСКОГО ПОСЛАНИЯ В ТВОРЧЕСКОМ ВОПЛОЩЕНИИ В.А. ЖУКОВСКОГО

В статье рассмотрены дружеские послания Жуковского в аспекте композиционных форм зачина, разработки, концовки и характер их взаимодействия.

Как показали исследования стиховой системы Жуковского, помимо напевной лирики им активно разрабатывались и говорные жанры [8, с. 76–77; 9, с. 390–391]. Особенно интенсивно Жуковский осваивал жанр послания, что было следствием двух процессов. Во-первых, обращение первого русского романтика к этому жанру находилось в русле художественно-эстетических исканий русского романтизма, стремящегося к созданию новых, свободных форм, сопротивляющихся строгим жанровым канонам и определениям [8, с. 129]. Во-вторых, послание стало творческой лабораторией Жуковского, который уже в 1810–20-е годы (по общепринятой периодизации – во II период творчества), годы расцвета своего лирического таланта, пробует себя в стихотворном эпосе [14, с. 64], определившем направление его творчества в последующие годы.

Стремление романтиков преодолеть традиции классицистических жанров, воплотившееся в послании, привело к тому, что этот жанр вобрал в себя элементы оды, сатиры, элегии и собственно послания в духе Карамзина и Дмитриева. В результате этого синтеза родился жанр, существовавший в нескольких модификациях: торжественное послание, дружеское и шутивное послание и послание-элегия (об этих разновидностях послания см.: 14, с. 103–107; 13, с. 105–114; 12, с. 84–102). Все эти жанровые разновидности представлены в творчестве Жуковского.

Самыми многочисленными в его творчестве являются дружеские послания. Именно в этой жанровой разновидности, смело экспериментируя, Жуковский добился существенного обновления тематического наполнения и композиционного оформления жанра.

Дружеские послания отличаются разнообразием величины (от 8 до 678 строк) и строфики: здесь и строфические послания («Ответ князю Вяземскому на его стихи», «К Ив. Ив. Дмитриеву» и др.), и астрофические – их абсолютное большинство. Нередки послания, внешняя композиция которых определена строфоидами – разновеликими по объему кусками текста, вы-

деленными графическим пробелом («Василию Алексеичу Перовскому», «Плещепупу» и др.).

Послание как жанр предполагает наличие конкретного адресата с прямым обращением к нему. Однако у Жуковского достаточно представлены послания, в зачинах которых нет прямого обращения, – 26 текстов.

Характер обращений в посланиях Жуковского во многом определен жанром и носит на себе следы жанровой близости с литературным и дружеским письмом. Отсюда обращения-именования, когда адресат называется по имени или фамилии:

Мой милый Бок!

Не думай, чтоб я был ленивый лежебок!

Или пренебрегал твоим кабриолетом, –

Нет, нет! но как гусар ты поступил с поэтом!

<К Т.Е. Боку>

Авдотья, напишите,

Каков ваш Петрухан,

И Маша, и Иван!

<Авдотье Петровне Киреевской>

Фамилия близкого друга Жуковского А.А. Плещеева нередко подвергалась шутивому переименованию в стиле бурлескной поэзии, «арзамасской галиматии»: «Плещук», «Плещепуп»,

Титулы и звания тоже шутивно обыгрываются:

Володьковский Барон!

Пора из Петрограда.

<К И.П. Черкасову>

Друг мой любезный, князь тупоносый,

В мире сем тленном все пустяки,

Все привиденье, призрак минутный!

Это вчерашний я вечер узнал!

<П.А. Вяземскому>

Шутивно обыгранные обращения помимо вокативной функции (называния адресата) вы-

полняют роль создания особой шутливо-фамильярной тональности всего послания.

Еще одну группу обращений составляют именованная-перифразы и метафорические именованная:

Сын Эскулапа, Фебов внук,
По платью враг, по сердцу друг,
Тебе нескладными стихами
Я должен то изобразить,
Что ты умел в нас поселить
Пилюлями и порошками,
И хиной, и исландским мхом,
И добрым сердцем и умом.
(«К доктору Фору»)

и обращения-перечисления:

Нарышкин, человек случайный,
Действительный советник тайный,
Гофмаршал русского царя
И заслуженный царедворец,
Вас просит русский стихотворец...

В группе дружеских посланий многочисленны послания полушутливого – полуделового характера, часто самим Жуковским называемые «записками» и содержащие просьбы бытового характера, извинения, приглашения, относящиеся скорее к фактам околелитературного творчества, трудноотделимым от эпистолярных жанров [5, с. 158; 6, с. 108–112]. «Подобные «домашние» стихотворения не были предназначены для публикации, но они оказали определенное влияние на развитие жанра шуточного дружеского послания...» [4, с. 38].

Круг тем дружеских посланий обозрим: от шутливого мадригала (<К Екатерине Афанасьевне Протасовой> («Скажите, Катерина!..»)), дружеской карикатуры («Не имею я кирхгофа...»), <К А.А. Плещееву> («О Негр, чернилами расписанный Натурой...»)), просьбы прислать сюртук (<К П.А. Вяземскому> («Князь Петр, жилец московский!..»)), ходатайства («К Кавелину», «К Столыпину») до программных стихотворений «К Батюшкову», «К Ив. Ив. Дмитриеву», содержащих элегические манифесты. Ощущение бесконечного разнообразия как отличительной черты этой модификации жанра возникает за счет разнообразных комбинаций тем. Доминантный признак этих текстов – установка на дружеское, непринужденное общение, рождающая общий тон

говорного стиля. В русле такой установки является оправданное смешение стилей, т. н. «стилевая чересполосица», выражающаяся в выявленных нами песенных приемах в рамках говорного жанра послания.

Семантика зачинов в дружеских посланиях Жуковского во многом определена жанром: это чаще всего приветствие, просьба, упрек в молчании, ответ на письмо, благодарность за услугу, сообщение о чем-либо. Зачин в этих посланиях служит средством создания нужной эмоциональной тональности и (это роднит его с эпистолярными жанрами) необходимой этикетной формулой, которую поэт силой своего таланта преобразует в художественный образ, делая неотъемлемой частью поэтических композиций.

Композиция описываемых посланий такова:

I. Обращение (часто сопровождаемое характеристикой адресата – как правило, это зачин).

II. В качестве разработки выступают:

– описание неких обстоятельств, требующих участия (или помощи) адресата;

– тематическое отступление, связанное с обстоятельствами дела.

III. Концовка – просьба (пожелание, извинения, объяснение и т. п.).

(Часто просьба следует непосредственно после обращения, т.е. в зачине.) Одним из примеров подобного рода «записок» может служить послание <К П.А. Вяземскому> («Князь Петр, жилец московский!..»). Просьба здесь содержится уже в зачине:

Князь Петр, жилец московский!
Рука твоя легка! Пожалуй сертука!
Твой сельский друг Жуковский
Обнову хочет сшить.

Но смысл просьбы неясен – он определяется в разработке:

Есть муза – нет портнова!
А надобна обнова.
И так пусть твой сертук,
Сиятельный мой друг,
Для Проля и Грея
Послужит образцом.

Кроме описания житейских обстоятельств эта часть содержит композиционное отступление

ние – повесть о старом сюртуке (об этом послании см.: 7, с. 56–71):

А старый мой сюртук
Уж выбился из рук;
И много превращенья,
Несчастный, претерпел;
Под щеткою кряхтел,
А сколько же мученья
От злого голика!
Пытали, как злодея!
Ну право, нет жальчее
На свете сюртука!
И так ничуть не диво,
Отставки просит он;
Служил он мне лениво
И честно награжден
Заплатами за службу!

Это отступление и придает стихотворной записке некое эстетически значимое свойство, превращая его в художественное произведение. Подобные композиционные находки часты в посланиях Жуковского (см., например, «Записку к Полонским», где дано шутивное описание кареты). Иногда в качестве таких композиционных отступлений выступают портреты адресатов, самого автора и знакомых им лиц. Например, в «Письме Жуковского в стихах и прозе, писанном у Плещеевых к Протасовым», цель которого – объяснить причину своего отсутствия, встречаем целую галерею «героев», точнее, их портретов:

Желанный Плещепуп
В набойчатом тюрбане,
Под дюжиною шуб
В гостиной на диване
Кобенился, кряхтел,
И мерзнул, и потел;
А я как будто с бою,
С двурусной щекою,
С хандрою в голове
На штофных креслах жался
И тем уподоблялся
Трофимовне сове...
...Зато уж наша Нина
На голос казачка
Поет исподтишка:
«О рожа! О скотина!
Копченый сатана!»

Не диво! ведь она
Желудку не злодейка!
В руках ее индейка
И два-три пирога
Исчезнут в два мига!

В работе Е.П. Мстиславской «Жанр посланий в творческой практике В.А. Жуковского (1800–1810 гг.)» [10, с. 158–160] выделено несколько типов портретной характеристики, присутствующей, по мнению исследовательницы, во всех разновидностях жанра: лирический, эпический и смешанный. Мы считаем, что в торжественных и элегических посланиях присутствуют лишь элементы портрета, условно-поэтический образ персонажа, лишенный реально-бытовой конкретики:

О, сколь пленителен ты нам тогда явился,
С младым, всех благостей исполненным лицом,
Под прародительским сияющим венцом.
(«Императору Александру»)

Портрет же в собственном смысле слова характерен для дружеских посланий, где роль и частотность бытовой конкретики повышается и участвует в создании образа персонажа. Помимо шутивно-пародийного портрета, примеры которого приведены выше, в дружеских посланиях обнаружены портретные характеристики романтической и реалистической окраски. Романтический портрет находим в послании «К Б<лудову>»:

Смотри, как темны очи,
Как вид ее уныл;
Ей белый свет постыл;
Одна, во мраке ночи,
Сокрылась в терем свой;
Лампаду зажигает,
Письмо твое читает
И робкою рукой
Ответ ко другу пишет,
Где в каждом слове дышит
Души ее печаль.

Реалистический портрет встречается редко:

У Семионовского моста
Служивый Марса молодой,
Приятный, небольшого роста,

С лицом, блестящим остротой,
В измайловском мундире, словом –
Черкасов встретился со мной.
(«Вчера я вас не убедил...»)

В некоторых случаях реалистический портрет покрыт налетом романтической идеализации и мистики либо иронии:

Но дни в аулах их бредут
На костылях угрюмой лени;
Там жизнь их сон; стесняясь в кружок
И в братский с табаком горшок
Вонзивши чубуки, как тени
В дыму клубящемся сидят
И об убийствах говорят...
...Иль сабли на камнях острят.
(«К Воейкову»)

В разработке дружеских посланий, особенно шутивных, обращает на себя внимание обилие перечислительных конструкций (об этом приеме в посланиях Жуковского см.: 2, с. 72):

Но там – среди уединенья
Долин, таящихся в горах, –
Гнездятся и балкар, и бах,
И абазех, и камукинец,
И карбулак, и абазинец,
И чечерец, и шапсук;
Пищаль, кольчуга, сабля, лук
И конь – соратник быстроногий
Их и сокровища и боги.
(«К Воейкову»)

Сей известный вам Фриоф
Есть поистине кирхгоф
Всех бумажек, книг, картинок,
Чашек, чашечек, корзинок,
Мосек, плошек, катехов...
(«Не имею я кирхгофа...»)

Иногда подобные конструкции служат композиционным каркасом всего стихотворения, как, например, в послании «К доктору Фору», где характеристика адресата представляет собой цепь однородных подчинительных предложений:

Могу сказать тебе в стихах;
Что дар приятным быть имеешь,

Что сердцем добр, как на словах,
И притвориться не умеешь;
Что к шахматам имеешь страсть...
.....
Что пишешь умные ответы...
.....
Что ты с друзьями любишь смех.

Этот перечень заканчивается фразой «И прочее...», подчеркивающей перечислительную конструкцию. Далее следует другая цепочка перечислений:

И в час, когда без утешенья
Бессильный зритель их мученья...
Когда я бытием скучаю...
Когда, воскреснувший душой.

Целый ряд посланий имеет композицию блочного типа. Особенно четко это видно в объемных стихотворениях «К Батюшкову», «К Воейкову» и др. В послании «К Воейкову» наши наблюдения позволяют выделить следующие тематические блоки:

I. Зачин.

II. Перечисление мест, где побывал адресат. Этот блок состоит в свою очередь из следующих довольно распространенных частей:

1. Христианское братство в Саренте.

2. Терек:

а) горная природа;

б) обычаи и нравы горцев.

3. Дон:

а) прибрежные пейзажи;

б) жители донских земель.

III. Элегическое отступление о быстротечности времени и утратах.

IV. Сказочно-балладная часть.

V. Взгляд в будущее, обращение к адресату в форме поэтического завещания (связано с реалиями).

Аналогичным образом построены послания «К Блудову», «К Батюшкову» и др. При сопоставлении в этих посланиях блоков и строфики оказалось, что графический пробел, образующий строфоиды, далеко не всегда отделяет один блок от другого. Совпадения блоков со строфоидами наблюдаются только в послании «К Батюшкову». То есть можно сказать, что тематическая автономность не всегда поддерживается внешними композиционными приемами.

Особый случай представляет послание «Государыне императрице Марии Федоровне» («От Вашего Величества давно...»), в котором тематическая композиция подчеркнута метрически. Как указывает С.А. Матяш, «на фоне вольноамбического послания четко выделяются куски равнометрического текста». Послание включает «8 метрических звеньев, среди которых большие куски 3-стопного ямба (36 строк), 4-стопного (80–86 строк), 6-стопного (18 строк) <...> Построение послания мотивируется частыми отступлениями от основной темы разговора» [8, с. 133]. Как нам представляется, «основная тема разговора», обозначенная в зачине – «о Павловской луне... донесенье», – является далеко не основной. Донесенье о луне – тематический предлог, служащий для создания нескольких поэтических фрагментов различной жанровой ориентации, стиля и композиции. Проследить закономерность в смене этих фрагментов и их тематики вряд ли возможно. Важен сам принцип композиционной свободы, когда поэт, не стесняясь жанровыми нормами, волен развить любую тему. В данном послании мы усматриваем принцип свободной поэтической игры, основанной на эффекте обманутых читательских композиционных ожиданий. Момент игры присутствует во многих дружеских посланиях Жуковского, а в некоторых является композиционным принципом. В посланиях Жуковского и его литературного окружения в полной мере проявился культивировавшийся в «Арзамасе» игровой стиль письма, который «воспринимался как одно из ценнейших завоеваний» нового века в противовес эстетике «века минувшего» [11, с. 42]. (Более подробно о принципе композиционной свободы в дружеских посланиях Жуковского см.: 3.)

Несмотря на то, что послания – наиболее свободный в композиционном плане жанр, наше исследование зачинов и разработок показало, что эта свобода имеет определенные границы и композиционные типы поддаются классификации. Концовки посланий при всем их многообразии также формально и тематически обозримы.

В посланиях наблюдаются такие уникальные явления, не встречавшиеся в других жанрах, как отсутствие концовки и двойные концовки. Причиной отсутствия концовки может быть, во-первых, незаконченность произведения. Таково послание «От вашего величества давно...», которое «заканчивается» следующими стихами:

Из них по светлым ступеням,
По разноогненным коврам
Младые феи выбегали
Вперед царицы молодой
И в кладези воды живой
Златые чаши наполняли,
И пили молодость из них,
И разлетались и слетались,
И облака вокруг загорались
От риз эфирно-золотых...

Этот текст, как пишет исследовательница, «остался незавершенным, хотя сохранился план его продолжения» [1, с. 565].

Во-вторых, отсутствие концовки в посланиях может быть объяснено внетекстовыми связями. Таково послание «Я собирался к вам...», заканчивающееся так:

О милые друзья!
Итак невольню я
Сей день для нас бесценный
Не с вами проведу!
Но мыслями найду
Я к милым путь открытой!
Для мыслей хины нет!
И важный факультет
С своей пузырьной свитой
Не властен удержать
Их быстрое стремленье.

Еще одной особенностью некоторых посланий является наличие в них двух концовок. В качестве второй концовки может выступать *post-scriptum* – наследие эпистолярных жанров. К примеру, послание «Я только что хотел гонца к вам посылать...» завершается следующими строками:

В исходе трех часов явлюсь к вам на обед,
Чтобы, отведав кашу,
Сказать, сидя близ вас: я счастливый сосед!

Далее после графического пробела следует 10-строчный *post-scriptum* (текст самого послания состоит из 9 стихов), заканчивающийся в свою очередь так:

Что мы, поэты, все хвораем головой,
Вы знаете; но вам и то уже не ново,
Что, если видеть вас –
Какой час ни пошел, все будет добрый час!

Интересный случай обнаружился в послании «К графине Шуваловой (После ее дебюта в роли мертвеца)». В прижизненном и во всех посмертных изданиях оно имеет концовку:

Графиня! будьте просто вы!
Забудьте страшное искусство,
И – в сердце зарождая чувство,
Не убивайте головы...

Однако, как пишут исследователи, «в рукописи имеется продолжение (26 стихов), не вошедшее в канонический текст и отсутствующее в посмертных изданиях» [1, с. 548–549]. Эти 26 стихов в 20-томном собрании сочинений включены в текст послания (т. II, с. 141–143), и в результате в послании «появилась» вторая концовка:

С душой от странствия усталой
О бреге жизни небывалой
[Нрзб.] несчастный говорит,
А наша лучшая надежда
Одна лишь тленности одежда,
И лишь мертвец под нею скрыт

В концовках, как и в зачинах, часты обращения (почти в 70% текстов). Однако отличие состоит в том, что если в зачине адресат называется, то в концовке обращение к нему выражено местоименными или глагольными формами 2-го лица. Сравним обращения в зачине и концовке послания Жуковского «К Кавелину»:

Кавелин! друг, поэт, директор
И медиков протектор,
Я с просьбою к тебе!
.....
Итак, похлопочи, чтоб он
Себе мог получить скорее недоимку.

Приведенный пример отражает тенденцию к упрощению сложных обращений зачина: вместо нескольких – одно, вместо прямого названия – глагольная форма 2-го лица.

Семантика концовок в посланиях обусловлена эпистолярной «родословной» жанра. Практически все концовки Жуковского можно отнести к следующим группам:

1. Этикетная формула письменного прощания, иногда с пожеланиями здоровья и других благ:

За сим, имею честь
С преданностью, почтеньем,
С сердечным умилением,
Приятель дорогой,
Пребыть твоим слугой.
(«К А.А. Плещееву»)

Часто такие концовки написаны в шутильной форме:

И сохрани тебя Бог от Гробовского!
И почитай и люби господина Жуковского!
(«А.А. Воейковой»)

2. Подытоживание содержащейся в зачине и разработке информации, часто сопровождающееся словами «итак», «короче»:

Короче, я желаю знать
В подробности все, что с ним случилось, –
Какою смертью умер он,
Когда и где похоронен,
И много ли сирот осталось,
Чтобы об нем вспоминать,
Чтобы для вас, ворча и лая,
Покойника изображая,
Его утрату заменять?
(«К Голицыну»)

Сюда же относятся концовки, повторяющие уже изложенную в зачине или разработке просьбу.

Итак, похлопочи, чтоб он
Себе мог получить скорее недоимку.
(«К Кавелину»)

3. Очень распространены мадригальные мотивы в концовке:

Ты милое творенье;
Ты взглядом обратишь
И горе в восхищенье;
С тобой явилась в свет
Веселость, бог крылатый;
Она твой провожатый,
При ней несчастья нет.
(«Что делаешь, Сандрок?»)

Для вас быть добрыми – обычно,
И дело доброе наградой будет вам!
(«Записка к Полонским»)

4. Концовки, обращенные в будущее, своеобразные предсказания, – иными словами, перспективные концовки:

Но вас здесь нет, и вас напрасно
В путеводители мне звать!
Кое-как буду путь опасный,
Судьбе отдавшись, продолжать!
Беречь свой челн от потопленья
Среди неверной глубины,
И терпеливо доставленья
Ждать мне обещанной жены.

(«К княгине А.Ю. Оболенской»)

5. Концовки-советы, призывы:

Собою счастливый поэт,
Твори, будь тверд; их зданья ломки;
А за тебя дадут ответ
Необольстимые потомки.
(«К кн. Вяземскому и В.Л. Пушкину.
Послание»)

Послания, как и эпиграммы, открывают в Жуковском мастера стихотворной шутки, остролова, непостижимым образом сопрягающего эти свои качества с присущей ему душевной мягкостью и педантизмом. Дружеские, особенно шуточные, послания Жуковского многими своими композиционно-стилистическими особенностями были обязаны эпиграммам 1806 г. и ироническим эпитафиям 1814 г.: это способы динамического развития образов, приемы создания комического, богатство метрического диапазона, метрические перебои.

Обнаруженные особенности композиции посланий Жуковского являются свидетельством мастерства поэта, блестяще реализовывающего свои творческие потенции в жанре, который в его творчестве приобрел максимальную композиционно-тематическую свободу и многообразие. Это позволяет подтвердить уже высказанный исследователями тезис, что Жуковский – поэт не только мелодичный (элегик и баллажник), но и мастер говорных жанров.

Список использованной литературы:

1. Ветшева Н.Ж. Примечания к текстам стихотворений // В.А. Жуковский. Полное собрание сочинений и писем. В 20-ти тт. – Т. II. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 565.
2. Грехнев В.А. Лирика Пушкина: о поэтике жанров. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1985. – С. 72.
3. Жалнина Л.И. Традиция романтического послания и романтическое наполнение жанра в начале XIX века // Жанровое своеобразие русской и зарубежной литературы XVIII–XX веков: Сб. статей. – Самара: Изд-во СГПУ, 2002. – С. 28–39.
4. Иезуитова Р.В. Шуточные жанры в поэзии Жуковского и Пушкина // Пушкин. Исследования и мат-лы. Т. 10. – М.: Наука, 1982. – С. 22–47.
5. Лебедева О.Б. Долбинские стихотворения как индикатор жанровых тенденций в лирике Жуковского 1810-х гг. // Проблемы литературных жанров: Мат-лы Международной конф. Часть 1. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – С. 108–112.
6. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и П.А. Вяземский. К истории личных и творческих отношений // Проблемы метода и жанра. Вып. 13. – Томск: Изд-во ТГУ, 1986. – С. 56–71.
7. Матяш С.А. Стих В.А. Жуковского. Дисс. на соиск. ... канд. филол. наук. – Л., 1974.
8. Матяш С.А. Стих Жуковского-лирика // В.А. Жуковский. Полн. собр. соч. и писем. В 20-ти тт. – Т. 2. Стихотворения 1815–1852 гг. – М.: Языки русской культуры, 2000.
9. Мстиславская Е.П. Жанр посланий в творческой практике В.А. Жуковского (1800–1810 гг.) // Вопросы русской литературы. – Уч. зап. МГПИ. – М., 1970. – №389. – С. 148–166.
10. Панов С.И. Стихотворец со Старой Басманной // Ново-Басманная, 19. – М.: Худож. лит, 1990. – С. 42.
11. Поплавская И.А. Послания в творчестве поэтов пушкинского круга // Проблемы метода и жанра. Вып. 18. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – С. 84–102.
12. Поплавская И.А. Эволюция жанра послания в творческой практике В.А. Жуковского. // Художественное творчество и литературный процесс. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – Вып. 5. – С. 105–114.
13. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – 283 с.